

А.П. Бородовский*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com*

ПРЕСТИЖНАЯ ДЕРЕВЯННАЯ УТВАРЬ С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ НАКЛАДКАМИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ

В статье анализируются металлические накладки афанасьевских деревянных сосудов, являющиеся атрибутом престижной утвари эпохи энеолита. Накладки из металла, декорированные пуансонным орнаментом, вероятно, символизируют женское начало на ритуальных сосудах. Широкое распространение таких изделий от нижней Катунь (Горный Алтай) до среднего Енисея (Хакасия) позволяет рассматривать их в качестве одного из признаков близости афанасьевских комплексов в этих двух регионах Саяно-Алтая. Кроме того, деревянные сосуды с металлическими накладками, декорированными пуансонным орнаментом, вполне могут быть атрибутом женских захоронений афанасьевской культуры, свидетельствующим о высоком социальном статусе погребенных.

Ключевые слова: *Саяно-Алтай, афанасьевская культура, металлические накладки деревянных сосудов, престижная утварь, эпоха ранней бронзы.*

Металлические накладки из афанасьевских погребений Саяно-Алтая достаточно давно интерпретируются как детали деревянной посуды. В Южной Сибири эти предметы встречаются от нижней Катунь [Бородовский, 2006] до среднего Енисея [Вадецкая, 1986, с. 19, табл. 2–7; Грязнов, 1999, с. 49, рис. 6–8, 20, 21, 25; Поляков, 2010, с. 154, рис. 9]. Большинство медных накладок имеет форму овала и несколько отверстий по краю для крепления. Изделия со среднего Енисея (Итколь II) снабжены медными гвоздиками, закрепленными в этих отверстиях. Внешняя поверхность некоторых накладок декорирована многорядным пуансонным орнаментом (рис. 1, 1). Кромка металлической пластины с одной стороны загнута, что соответствует обкладке устья сферического блюда или чаши. Гладкая накладка с насечками по краям (рис. 1, 2), возможно, располагалась на днище сосуда [Поляков, 2010, с. 154–155]. Две парные медные накладки с пуансонным орнаментом (рис. 1, 3) из афанасьевского погребения на средней Катунь в урочище Барантал [Бородовский, 2006, с. 90] имели ровные края, что также характерно для металличе-

ских деталей, наложенных на устье или стенки аналогичных деревянных сосудов (чаш).

Сходные детали оформления деревянной утвари хорошо известны среди материалов эпохи ранней и развитой бронзы на Украине [Ремесло..., 1994, с. 145, 146, рис. 43]. В срубных погребениях Поднепровья неоднократно зафиксировано наличие деревянной посуды с металлическими оковками [Отрощенко, 1984]. По форме эти накладные детали имеют определенные отличия от аналогичных предметов афанасьевской культуры (рис. 2, 1), однако на некоторых из них встречается пуансонная орнаментация.

По мнению А.В. Полякова, значительное количество достаточно ценной меди, использованное для накладок деревянных сосудов афанасьевского времени Саяно-Алтая, вряд ли позволяет считать их деталями, изготовленными только с целью ремонта, тем более что для эпохи ранней бронзы известны еще металлические скобы, использовавшиеся исключительно для ремонта деревянных сосудов [Ремесло..., 1994, с. 146, рис. 43, 3]. Поэтому металлические накладки являются, очевидно, признаком престижности изделия [Поляков,

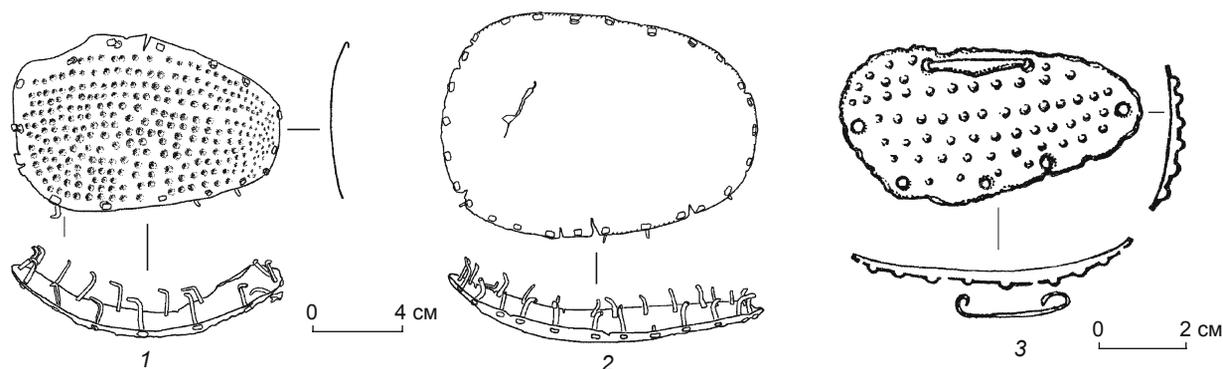

Рис. 1. Металлические накладки афанасьевских деревянных сосудов из мог. 1 кург. 24 могильника Итколь II на среднем Енисее (1, 2) [Поляков, 2010, с. 152, рис. 7, 1; с. 154, рис. 9, 1] и погребения в урочище Барантал на средней Катуне (3).

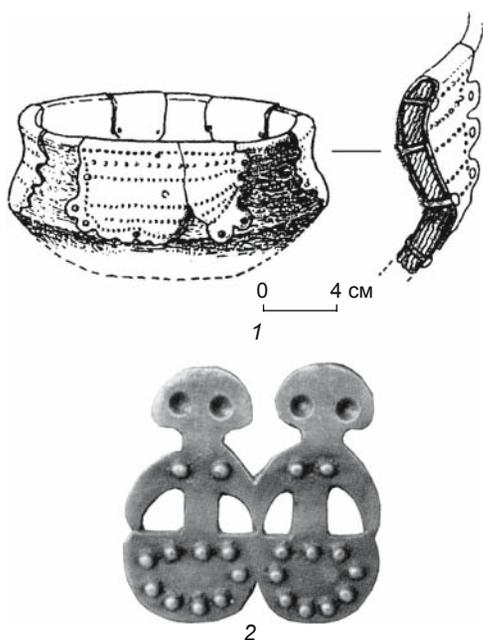

Рис. 2. Деревянный сосуд с металлической накладкой, декорированной пуансонным орнаментом, срубной культуры (Поднепровье, Украина) [Ремесло..., 1994, с. 146, рис. 43, 8] (1) и золотое изделие из Аладжа-Хьююка (Малая Азия).

2010, с. 155]. Аргументом в пользу такого предположения служит и наличие на некоторых из них пуансонного декора. Широкое распространение таких изделий от нижней Катуня (Горный Алтай) до среднего Енисея (Хакасия) позволяет рассматривать их в качестве общего элемента афанасьевской культуры [Степанова, 2010, с. 180] в этих двух регионах Саяно-Алтая, хотя ранее подобные артефакты интерпретировались исключительно как особенность афанасьевских погребений на среднем Енисее [Там же, с. 182].

Следует подчеркнуть, что для территории Горного Алтая характерна глубокая преемственность тра-

диции изготовления деревянных сосудов с накладками из меди и бронзы. Фрагмент такого сосуда найден в древнетюркской оградке кудыргинского типа эпохи раннего средневековья (VI–VII вв. н.э.) в урочище Ак-Кообы [Кубарев, 2011, с. 231, 232, рис. 13]. Деревянные чаши с металлическими накладками встречаются и в этнографических материалах Горного Алтая вплоть до конца XIX – начала XX в.

Среди скифских древностей Северного Причерноморья эпохи раннего железа также достаточно много накладок на деревянные сосуды, декорированных пуансонным орнаментом [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 115, 130]. Эти аналоги металлических накладок неолитических сосудов Южной Сибири только на первый взгляд могут показаться слишком отдаленными. Для целого ряда емкостей из органических материалов (дерева, рога, кожи, бересты) скифского времени существуют прототипы в коллекциях с памятников эпохи бронзы на юге Западной Сибири. В качестве примера можно привести роговые плоские блюда раннего железного века, встречающиеся от Северного Кавказа [Петренко, Маслов, 1999, с. 258, рис. 2; с. 259, рис. 3] и Южного Урала [Смирнов, 1964, с. 64, рис. 1, о; 1981, с. 78, рис. 6, 3] до Обь-Иртышского междуречья [Полосьмак, 1987, с. 77, рис. 70, 1] и верхней Оби [Могильников, 1997, с. 94, рис. 63, 1]. Однако одно из ранних таких блюд, изготовленное из лопаты лосиных рогов, обнаружено в андронидном погребальном комплексе эпохи развитой бронзы Тартас-1 в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2007, с. 330, рис. 1, б; с. 333]. Естественное расположение роговых отростков на этом предмете сохранено практически полностью, что отличает его от аналогичных изделий раннего железного века (Новотроицкое-1, Марково-1). Роговое блюдо из Тартаса-1 является самым древним изделием такого типа, предшествующим предметам скифского (Новозаведенное II) и сарматского (Мечет-Сай) времени.

Форма афанасьевских подовальных металлических накладок из Барантала, Итколя II и нанесенный

на них пуансонный орнамент позволяют выдвинуть предположение относительно их семантического значения на деревянном сосуде. В традиционной культуре емкости часто ассоциируются с женским началом, являясь его центральным символом, атрибутом и инструментом [Нойманн, 2012, с. 339, 340]. Исходя из этого форма металлических накладок на деревянном сосуде и декор на них вполне могут символизировать женское лоно (лобок). На Ближнем Востоке аналогичные изображения известны на женских скульптурах II тыс. до н.э. из металла [История..., 1988, с. 43, рис. 10, б] и терракоты [История..., 1983, с. 403, рис. 107а; Нойманн, 2012, с. 131, ил. 11].

Парность металлических накладок с пуансонным орнаментом на афанасьевском деревянном сосуде из Барантала (см. рис. 1, 3) как символа женского начала может также быть соотнесена с одним из образов, известных в эпоху бронзы. Речь идет о парных женских изображениях хеттов (см. рис. 2, 2), на которых лона переданы и декорированы в сходной манере. Если такое предположение верно, то деревянный сосуд с парными металлическими накладками вполне мог быть связан с близнечными мифами. Например, у хеттов известен сюжет о помещении братьев-близнецов в сосуд и их последующем кровосмесительном браке со своими сестрами-близнецами. У хеттов существовал также обряд убийства близнецов после рождения, когда их помещали в горшки [Мифы..., 1991, с. 174, 175]. В энеолитической пластике Ближнего Востока и Европы известны парные женские образы, трактуемые не только как персонажи близнечных мифов, но и как изображения матери и дочери [Палагута, 2011, с. 112]. Следует подчеркнуть, что в традиционной среде женщина воспринимала себя как субъект и объект таинственных процессов и как сосуд трансформации [Нойманн, 2012, с. 328]. Весьма любопытно и то, что на керамических афанасьевских сосудах Саяно-Алтая распространен декоративный элемент в виде треугольника, ориентированного вершиной вниз и заполненного рельефными оттисками [Есин, 2010, с. 57, 58, рис. 4, 6–9]. Его также можно соотносить с женскими символами.

Весьма вероятное присутствие признаков женских образов на деревянных афанасьевских сосудах с металлическими накладками, декорированными пуансонным орнаментом, позволяет рассматривать их в качестве одних из первых изображений в декоре таких емкостей в эпоху бронзы. В скифское время накладки деревянных сосудов с пуансонным орнаментом из Северного Причерноморья и Южного Приуралья демонстрируют большее разнообразие образов. Среди них встречаются рыбы, грифоны и лошади [Королюкова, 2006, с. 170, табл. 1, 9, 10; с. 186, табл. 17, 1–3; с. 190, табл. 21, 3, 14, 16]. В рамках других техник оформления накладок деревянных сосудов (резьбы,

гравировки) представлены также изображения кабанов, оленей, сайгаков, тигров и всадников [Там же, с. 172, табл. 3, 8; с. 174, табл. 5, 1–9, 12; с. 179, табл. 10, 1; с. 182, табл. 13, 10; с. 188, табл. 19, 1; с. 203, табл. 34, 6].

Престижную деревянную посуду с металлическими накладками вполне можно рассматривать как специфический («богатый») погребальный инвентарь, являющийся одним из признаков социально значимых захоронений в эпоху энеолита [Энеолит..., 1982, с. 239]. Важно отметить, что металлические накладки с пуансонным орнаментом от деревянных сосудов происходят из женских погребений афанасьевской культуры как на территории Горного Алтая (Барантал), так и на среднем Енисее (Итколь II). Возраст погребенной в мог. 1 кург. 24 Итколя II оценивается в 40–50 лет [Поляков, 2010, с. 148]. Это вполне соответствует зрелой женщине, облеченной высоким социальным статусом, и его мог символизировать деревянный сосуд с металлическими накладками. Данный факт крайне важен, т.к. ранее социально значимыми в основном считались мужские захоронения в больших афанасьевских курганах, в сопроводительном инвентаре которых присутствовали каменные жезлы [Шульга, 1993, с. 88]. Дополнение верхушки «социальной пирамиды» афанасьевского общества особами женского пола с соответствующей гендерной атрибутикой позволяет поставить вопрос об определенном «дуализме» элиты Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы.

В целом для эпохи раннего металла ряда регионов Евразии (включая Саяно-Алтай и степную зону Причерноморья) деревянные сосуды с металлическими накладками, вероятно, являются одной из универсалий, отражающей инновационные технологические тенденции как в формирующихся цивилизационных центрах, так и на первобытной периферии. Однако эта особенность распространена далеко не повсеместно. Например, в энеолите Закавказья (куро-аракская культура) деревянные сосуды с металлическими накладками отсутствуют. Медная, бронзовая посуда появилась в этом регионе в III–II тыс. до н.э. Однако на северных предгорных территориях, как уже отмечалось, деревянные сосуды с металлическими накладками были распространены не только в бронзовом, но и в раннем железном веке.

Деревянная утварь с металлическими накладками отражает определенный паритет в бытовании престижной посуды между цивилизационными центрами и первобытной периферией в эпоху раннего металла. В этом смысле показательна территория Древнего Китая, поскольку металл появился здесь относительно поздно, а бронзовые ритуальные сосуды вряд ли имеют свои деревянные прототипы. Даже на уровне имитаций других материалов в этих изделиях емкостей из дерева не отмечено. В более позднее

время – в эпоху раннего железа – среди ритуальных сосудов культур скифского круга Сибири отсутствуют импортные металлические с территории Древнего Китая. По этому признаку элитарные погребальные комплексы скифского времени в Южной Сибири принципиально отличаются от собственно скифских Северного Причерноморья и сарматских Южного Приуралья, в которых присутствуют импортные (греческие, иранские, римские) металлические сосуды. Это подчеркивает архаичность и традиционность емкостей из органических материалов с металлической отделкой. В эпоху ранней бронзы на территории Саяно-Алтая деревянные сосуды с металлическими накладками, декорированными пуансонным орнаментом, в силу своей престижности вполне могли быть атрибутом женских захоронений, указывающим на высокий социальный статус погребенных.

Список литературы

- Бородовский А.П.** Афанасьевские памятники нижней Катуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 84–95.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 178 с.
- Грязнов М.П.** Афанасьевская культура на Енисее. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 137 с.
- Есин Ю.Н.** Проблемы выделения афанасьевских изображений в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53–73.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.** Скифия VII–IV вв. до н. э. – Киев: Наук. думка, 1983. – 380 с.
- История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации.** – М.: Гл. ред. вост. лит., 1983. – Ч. 1: Месопотамия. – 536 с.
- История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации.** – М.: Гл. ред. вост. лит., 1988. – Ч. 2: Передняя Азия, Египет. – 624 с.
- Королькова Е.Ф.** Звериный стиль Евразии: Искусство племен нижнего и южного Поволжья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). – СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. – 272 с.
- Кубарев Г.В.** Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 7: Археология, этнография. – С. 219–235.
- Мифы народов мира: энцикл.** – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – 672 с.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М.: Пушкин. науч. центр РАН, 1997. – 196 с.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Новикова О.И., Соловьев А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Казакова Е.А.** Результаты полевых исследований памятника Тартас-1 в 2007 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 329–333.
- Нойманн Э.** Великая мать: Глубинная психология и психоанализ. – М.: Добросвет; Книж. дом. «Университет», 2012. – 410 с.
- Отрошенко В.В.** Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: Днепропетров. гос. ун-т, 1984. – Вып. 1. – С. 84–97.
- Палагута И.В.** Мир искусства древних земледельцев Европы: Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н.э. – СПб.: Алетейя, 2011. – 336 с.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е.** Роговые блюда могильника Новозаведенное II // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову: архивные публикации, статьи. – М.: ИА РАН, 1999. – С. 250–259.
- Полосьмак Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.
- Поляков А.В.** Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 144–158.
- Ремесло эпохи энеолита–бронзы на Украине.** – Киев: Наук. думка, 1994. – 190 с.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука, 1964. – 216 с.
- Смирнов К.Ф.** Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: Башкир. фил. АН СССР, 1981. – С. 70–82.
- Степанова Н.Ф.** Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 177–187.
- Шульга П.И.** Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепеш // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: мат-лы науч.-практ. конф. – Барнаул, 1993. – С. 86–89.
- Энеолит СССР.** – М.: Наука, 1982. – 360 с. – (Археология СССР).

*Материал поступил в редколлегию 20.05.13 г.,
в окончательном варианте – 17.06.13 г.*